

14. Обыватели и полиция // Сиб. вопр. 1912. № 20. С. 56.
15. Обыватели и полиция // Сиб. вопр. 1912. № 20. С. 55.
16. АВПРИ. Ф. Китайский стол. (1899–1913). Оп. 491. Д. 1002. Л. 30.
17. Там же. Оп. 491. Д. 1002. Л. 48;60.
18. Там же. Оп. 491. Д. 1002. Л. 104.
19. Там же. Оп. 491. Д. 1002. Л. 79.
20. Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб. 1912. С. 101, 102.

КУЗЬМИН И. А.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЪЕКТИВНОМ СМЫСЛЕ

Жизнь человеческого общества как непосредственное выражение социального общения, взаимосвязей и коммуникации между людьми (их объединениями) представляет собой сложное динамическое явление. Разноплановость и многоаспектность общественных связей определяет и специфику социально-нормативных положений, которые направлены на создание и поддержание порядка в обществе.

Этические нормы (морали, нравственности), религиозные нормы, нормы права, обычаи и корпоративные нормы являются важнейшими регуляторами общественных отношений – это своеобразные модели «желаемого» состояния и поведения субъектов, закрепляющие рамки допустимого и дозволенного, возможность поступать тем или иным образом. С известной долей условности названные нормы выступают своеобразной «мерой свободы» участников общественных отношений.

Позитивное право как совокупность норм и правил, исходящих от государства, является ведущей подсистемой социального регулирования. Это обуславливается рядом особенностей, отличающих нормы права от иных видов социальных норм. Так, право является единой системой общеобязательных норм, действующих в масштабах всего государства, которые устанавливаются (санкционируются государством), обеспечиваются силой государственного воздействия и зачастую обладают критерием формальной определенности.

В отечественной юридической науке феномен «позитивное право» традиционно обзревается с двух позиций: как объективное право (совокупность норм права – целостное, упорядоченное образование) и субъективное право (основанные на общих правовых нормах конкретные права и обязанности участников правоотношений) [12, с. 7].

Имманентную связь объективного права (общей предпосылки) и субъективного права в наиболее удачной форме охарактеризовал Л. С. Явич: «Объективное право без субъективного права не срабатывает... сведение собственно права только к системе юридических норм является лишь некоторым следствием их абсолютизации, не отражающей их диалектического единства с системой прав субъектов общественной деятельности» [15, с. 81].

Обязательность учреждения и защиты правопорядка проистекает из самой сущности позитивного права как регулятора общественных отношений. В этой связи право содержит в себе специальные охранительные механизмы (средства принуждения), использование которых позволяет восстановить нарушенное право и/или наказать правонарушителя для целей общей и частной превенции.

Комплексный охранительный институт юридической ответственности воспринимается нами в единстве его объективного и субъективного смыслов. Так, юридическая ответственность в объективном смысле, по нашему мнению, – это содержащиеся в санкциях правовых норм меры государственного принуждения в виде определенных лишений (различного характера), которые могут быть применены к лицу (лицам) за совершение противоправного деяния. Отсюда субъективная юридическая ответственность – это уже субъективная обязанность лица претерпеть меры государственного принуждения в виде определенных лишений за совершенное противоправное деяние [5, с. 194–195].

Не останавливаясь на общеметодологических проблемах общей теории юридической ответственности, обратим свое внимание на частный вопрос и постараемся разобраться в том, что следует понимать под социальными основаниями юридической ответственности в объективном смысле. Мы полагаем, что разрешение поставленного вопроса – необходимое условие для дальнейшего изучения и совершенствования юридической ответственности, усиления эффективности этого правового института в общественной практике и правильной ориентации соответствующей правотворческой деятельности.

Обращение к толковым словарям Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова позволяет установить примерное содержание термина «основание». Это: причина, достаточный повод, оправдывающие что-нибудь; начало существования, момент возникновения чего-нибудь; существенная часть, отношение или условие, порождающее какое-нибудь явление [8, с. 872; 4, с. 397].

Поскольку юридическая ответственность в объективном смысле существует лишь на нормативном уровне правового регулирования и выражается в мерах принуждения (в виде лишений), то будет уместным обратиться к ее законодательному «оформлению». В частности, если проанализировать нормы действующего конституционного, гражданского, уголовного, административного и трудового законодательства, то становится очевидным, что правовые нормы, регламентирующие содержание юридической ответственности как таковой, отсутствуют. В названных отраслях получает отражение лишь система наказаний, проявляющаяся в определенных лишениях личного, имущественного или организационного характера, которые могут быть применены к нарушителям права за те или иные противоправные деяния. «В санкциях норм, предусматривающих юридическую ответственность, закрепляются виды и меры наказания (взыскания)...», – обоснованно заявляют Р. Л. Хачатуров и Д. А. Липинский [10, с. 175–176].

Следовательно, говоря об основаниях юридической ответственности в объективном смысле, прежде всего, нужно учитывать те социальные потребности, которые послужили достаточной причиной для установления государством ответственности за те или иные деяния. Такие основания также называют социальными (общими) основаниями ответственности.

По нашему убеждению, социальное основание ответственности имеет прямую причинно-следственную связь с целями юридической ответственности, так как, по сути, детерминирует их содержание.

В соответствии с философским учением о цели (телеологией) последняя как идеальный образ будущего явления (представление о состоянии, к которому стремится данная система и ради чего она существует [9, с. 410]) непосредственно отражает предназначение конкретного явления, в нашем случае – юридической ответственности в ее объективном воплощении.

По мнению Д. А. Керимова, цель в праве, будучи идеальным выражением объективной закономерности, вместе с тем представляет собой те материальные и духовные результаты, которые достигаются путем правотворчества, а затем – реализации норм права [2, с. 374–375].

Р. Л. Хачатуров подчеркивает, что нарушение общественного порядка вызывает применение ответственности, следовательно, социальное основание ответственности состоит в необходимости

охраны общественных отношений, нормальных условий жизни общества. Юридическая ответственность служит целям защиты от противоправного поведения и воспитания ответственного отношения к предписаниям права [11, с. 72–73].

В содержании социальных оснований юридической ответственности И. С. Самощенко видит потребность в охране существующего строя (правопорядка), воспитание ответственного отношения к праву и закону и, как следствие – предупреждение правонарушений [7, с. 23–25].

А. А. Иванов полагает, что институт юридической ответственности направлен на восстановление гармонии общественных отношений, социальной справедливости [1, с. 76–77].

М. А. Краснов отмечает, что все виды юридической ответственности, как традиционно выделяемые, так и новые, служат одной великой цели (она же предпосылка) – обеспечению нормальной жизнедеятельности общества [3, с. 74].

Помимо охраны правопорядка, М. Д. Шиндяпина называет такую цель юридической ответственности, как нравственно-психологическое преобразование правонарушителей [14, с. 13].

Приведенный краткий экскурс взглядов, конечно, не может отразить все многообразие теорий и точек зрения на социальные (общие) основания возникновения юридической ответственности, но для обзорного видения ситуации он вполне показателен.

Полностью соглашаясь с основанием возникновения ответственности в объективном смысле в виде необходимости обеспечения фактического правопорядка (действия норм права), считаем уместным выделить, и такое основание как социальная вредность отдельных актов поведения.

Материальный признак противоправного поведения за совершение, которого предусматривается юридическая ответственность – вредность неправомερных актов (их совокупности) для социального организма.

«Предмет правового регулирования – конфликтные (деликтные) отношения, относятся к различным отраслям права, – пишет А. П. Чирков, – и, кроме того, они различаются по степени общественной вредности... различие конфликтных общественных отношений на уровне вида предполагает и различные методы воздействия на правонарушителей. Причем общество не заинтересовано в нивелировке различий в методах наказания, так как то или иное правонарушение объективно требует адекватной реакции на него» [13, с. 51–52]. Отсюда следует, что общественная

вредность отдельных поступков, выступая причиной (основанием) установления государством юридической ответственности, также влияет и на характер наказания за их совершение.

Раскрывая проблему оснований юридической ответственности, Н. А. Пьянов, опираясь на причины установления государством ответственности за те или иные деяния, говорит, что «в этом случае основанием ответственности можно, по всей видимости, считать социальную вредность того или иного деяния... Под основаниями юридической ответственности в объективном смысле следует понимать то, что обуславливает установление государством мер юридической ответственности. Это социальная вредность тех или иных деяний, а также необходимость защиты общественного правопорядка правовыми средствами» [6, с. 502]. Данная точка зрения применительно к юридической ответственности в объективном смысле представляется наиболее удачной и обоснованной.

Таким образом, социальными основаниями юридической ответственности в ее объективном проявлении можно признать социальную вредность, которую содержат отдельные акты человеческого поведения, а также необходимость защиты правопорядка и обеспечения эффективного действия норм права.

Литература

1. Иванов А. А. Индивидуализация в системе принципов юридической ответственности // Журн. рос. права. – 2008. – № 8. – С. 72–77.
2. Керимов Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – М. : Мысль, 1972. – 472 с.
3. Краснов М. А. Юридическая ответственность – целостное правовое явление // Сов. государство и право. – 1984. – № 3. – С. 73–77.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка : Ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов. – Екатеринбург : Урал-Советы, 1994. – 800 с.
5. Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2007. – 254 с.
6. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2010. – 583 с.
7. Самощенко И. С. Правонарушения и юридическая ответственность : учеб. пособие / И. С. Самощенко. – М. : ВЮЗИ, 1966. – 30 с.
8. Толковый словарь русского языка. Т. 2 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Апрель. 2000. – 528 с.
9. Философия права : учебник / О. Г. Данильян [и др.] ; под ред. О. Г. Данильяна. – М. : Эксмо, 2005. – 416 с.
10. Хачатуров Р. Л. Общая теория юридической ответственности : монография / Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский. – СПб. : Юрид. центр пресс, 2007. – 950 с.
11. Хачатуров Р. Л. Юридическая ответственность / Р. Л. Хачатуров, Р. Г. Ягутян. – Тольятти : Междунар. акад. бизнеса и банк. дела, 1995. – 200 с.

12. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты / Д. М. Чечот. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 72 с.
13. Чирков А. П. Ответственность в системе права : учеб. пособие / А. П. Чирков. – Калининград : Калинингр. ун-т, 1996. – 77 с.
14. Шиндяпина М. Д. Стадии юридической ответственности : учеб. пособие / М. Д. Шиндяпина. – М. : Кн. мир, 1998. – 162 с.
15. Явич Л. С. Общая теория права / под ред. А. И. Королев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 285 с.

ЛЕВЧЕНКО А. О.

П. А. РОВИНСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В ЭТНОГРАФИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСОРГО

Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916) – известный русский путешественник, историк-славист, этнограф и публицист. Родился в 1831 г. в г. Саратове. В 1852 г. окончил курс обучения на филологическом факультете Казанского университета и вскоре там же получил место преподавателя. Однако вскоре молодой и многообещающий ученый вдруг отказывается от занимаемой должности и осенью 1855 г. уезжает из Казани. Причина такого поступка крылась в революционной деятельности Павла Аполлоновича, ставшего позднее одним из активных руководителей организации «Земля и воля» [1]. В последующие годы Ровинский в качестве корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей» посещает Чехию, Австрию и Сербию. В 1870 г. ученый едет в Западную Сибирь и Монголию, куда его влечет, очевидно, не только чисто этнографический интерес, но и некоторые политические соображения. Именно в это время друзьями Ровинского готовится побег с каторги Чернышевского, близким знакомым и духовным единомышленником которого он был с начала 50-х гг. [2]. Так или иначе, но именно эта поездка предоставила ученому богатейший материал для написания его наиболее ярких этнографических работ.

Известно, что Павел Аполлонович Ровинский обратился к вопросам славяноведения практически с первых шагов своей научной деятельности, еще в ту пору, когда оно было малоизвестной и малопопулярной областью филологии. Этот выбор он сделал, будучи студентом Казанского университета, под влиянием увлекательных лекций В. И. Григоровича. «Трудно было ожидать, чтобы при тогдашней скудности библиотечных средств было много охотников изучать “славянские наречия”, но охотники все-таки были: например, мое любопытство и любозна-